

Вестник

Томского государственного

университета

№ 344

Март

2011

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Аванесов С.С.**, д-р филос. наук, проф.; **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кривова Н.А.**, д-р биол. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначев В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Аванесов С.С., д-р филос. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Парначев В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
Высшей аттестационной комиссии
(Подробнее см.: <http://vak.ed.gov.ru>)

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируются изменения, внесённые законодателем в гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации в апреле – июле 2010 г. На основании этого выявляются тенденции дальнейшего развития отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: тенденции; гл. 22 УК РФ; общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Федеральными законами РФ от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ (далее – Закон от 7 апреля), от 19 мая 2010 г. № 92-ФЗ (далее – Закон от 19 мая), от 17 июня 2010 г. № 120-ФЗ (далее – Закон от 17 июня), от 1 июля 2010 г. № 147-ФЗ (далее – Закон от 1 июля) и от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ (далее – Закон от 27 июля) в гл. 22 УК РФ были внесены существенные изменения.

Согласно Закону от 7 апреля изменения коснулись диспозиций ст. 171, 172, 174-1 УК.

После внесения указанных изменений привлечение к уголовной ответственности по ст. 171 стало возможным, если предпринимательская деятельность лицом осуществляется «без лицензии в случаях, когда лицензия обязательна». В её ранее действующей редакции привлечение к уголовной ответственности за осуществление незаконной предпринимательской деятельности было возможным, если обозначенная в диспозиции ст. 171 УК деятельность осуществлялась как «без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или с нарушением лицензионных требований и условий». «Нарушение лицензионных требований и условий» на практике толковалось достаточно произвольно, что позволяло привлекать к уголовной ответственности и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность на вполне законных основаниях. Таким образом, исключение указанного элемента из диспозиции ст. 171 является правомерным. В рассматриваемом случае наблюдается «сужение» действия уголовно-правовой нормы.

Законом от 7 апреля аналогичное изменение было внесено и в диспозицию ст. 172 УК, устанавливающей ответственность за осуществление незаконной банковской деятельности. Как и в предыдущем случае, имеет место «сужение» действия рассматриваемой нормы.

Одновременно с рассмотренными изменениями (на основании указанного Закона) изменениям подверглась и диспозиция ст. 174-1 УК. В отличие от ранее действовавшей редакции, в её новой редакции законодателем прямо указаны цели легализации преступно нажитого имущества и доходов [1]. Таким образом, указанные изменения были внесены законодателем с целью наиболее чёткого раскрытия сущности рассматриваемого деяния. В данном случае «расширения» диспозиции ст. 174-1 не наблюдается.

Наряду с приведёнными изменениями Законом от 7 апреля была признана утратившей силу ст. 173 УК, устанавливавшая ответственность за совершение лжепредпринимательства. Указанной нормой предусматривалась уголовная ответственность за создание организации без намерения осуществлять предпринима-

тельную деятельность. Все конструктивные признаки лжепредпринимательства свидетельствовали о том, что у лица не было намерения осуществлять указанную деятельность. Следовательно, лицо не желало причинить вред предпринимательским отношениям. Поэтому рассматриваемая норма решала искусственно созданные задачи. Это отмечалось и практическими работниками. По мнению последних, диспозиция ст. 173 УК являлась достаточно сложной для правильного применения её на практике. Вследствие этого дела, возбуждённые по указанной статье, прекращались в связи с тем, что не было возможным доказать в совершённом деянии наличие всех признаков лжепредпринимательства [2]. Таким образом, декриминализацию лжепредпринимательства следует рассматривать как правильный шаг законодателя.

Согласно Закону от 19 мая изменения коснулись ч. 3 ст. 195 УК. В результате указанных изменений действие рассматриваемой нормы распространилось и на «иные финансовые организации». Таким образом, имеет место «расширение» действия уголовного закона. На наш взгляд, такое «расширение» правомерно, поскольку действие предыдущей редакции ч. 3 ст. 195 распространялось только на «кредитные организации». В данной ситуации, благодаря «расширению» действия рассматриваемой нормы, устранён пробел в действующем уголовном законодательстве.

Согласно Закону от 17 июня изменению подверглась ст. 184 УК. Настоящая редакция её дополнилась Примечанием, согласно которому возможно освобождение от уголовной ответственности, если в отношении виновного лица «имело место вымогательство или если оно добровольно сообщило о подкупе органу, имеющему право возбудить уголовное дело». В отличие от предыдущей, в рассматриваемой ситуации имеет место «сужение» действия уголовно-правовой нормы.

Согласно Закону от 1 июля в гл. 22 УК РФ был внесён ряд новелл: ст. 170-1 – «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта», ст. 185-5 – «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества». Указанные новеллы направлены на борьбу с таким общественно опасным явлением, как рейдерство. В настоящее время рейдерство является серьёзной угрозой экономической безопасности России [3]. В последние годы количество совершаемых рейдерских захватов имущества, имущественных и неимущественных прав, а также денежных

средств предприятий резко возросло [4. С. 1]. Однако уголовное законодательство, ввиду фактического отсутствия в нём норм, устанавливающих ответственность за совершение рейдерских захватов, в рассматриваемом случае оказалось полностью неэффективным [5. С. 11].

Постоянно вносимые законодателем в УК РФ поправки также не были направлены на борьбу с рейдерскими захватами. До принятия Закона от 1 июля борьба с указанными захватами велась посредством норм, устанавливающих ответственность за деяния, не являющиеся по своей сути рейдерством. В качестве указанных норм выступали ст. 159, 171, 201 УК [3]. Таким образом, имело место применение уголовного закона по аналогии, что противоречит принципу законности (ст. 3 УК РФ). В рассматриваемом случае не принимались во внимание различные тяжкие последствия, наступавшие в результате рейдерских захватов. Указанными последствиями, наряду с сокращением количества рабочих мест, могли быть и человеческие жертвы. Таким образом, криминализация рейдерства является правильным шагом законодателя.

Проанализировав диспозиции уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение рейдерских захватов, следует отметить, что в них сущность рассматриваемого деяния раскрыта подробно. В диспозиции ст. 170-1 УК РФ законодатель под «фальсификацией единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта» понимает «представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учёт прав на ценные бумаги, документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц, в реестр владельцев ценных бумаг или в систему депозитарного учёта недостоверных сведений об учредителях (участниках) юридического лица, о размерах и номинальной стоимости долей их участия в уставном капитале хозяйственного общества, о зарегистрированных владельцах именных ценных бумаг, о количестве, номинальной стоимости и категории именных ценных бумаг, об обременении ценной бумаги или доли, о лице, осуществляющем управление ценной бумагой или долей, переходящих в порядке наследования, о руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, либо в иных целях, направленных на приобретение права на чужое имущество».

Также рассматриваемой статьёй предусматривается уголовная ответственность за «внесение в реестр владельцев ценных бумаг и в систему депозитарного учёта заведомо недостоверных сведений путём неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг и к системе депозитарного учёта». Одновременно в диспозиции ст. 170-1 установлена уголовная ответственность как за применение насилия, так и за угрозу его применения при внесении в указанный реестр и в указанную систему заведомо недостоверных сведений. Таким образом, законодателем в процессе формулирования дис-

позиции рассматриваемой нормы соблюдено такое правило законодательной техники, как точность языка уголовного закона. В данном случае не наблюдается расширения уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности.

В диспозиции ст. 185-5 под «фальсификацией решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» понимается «умышленное искажение результатов голосования либо воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения на общем собрании акционеров, общем собрании участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью или на заседании совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества путём внесения в протокол общего собрания, в выписки из него, в протокол заседания совета директоров (наблюдательного совета), а равно в иные отражающие ход и результаты голосования документы заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших, в кворуме или результатах голосования, путём составления заведомо недостоверного списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании, заведомо недостоверного подсчёта голосов или учёта бюллетеней для голосования, блокирования или ограничения фактического доступа акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) к голосованию, несообщения сведений о проведении общего собрания акционеров (участников) или заседания совета директоров (наблюдательного совета) либо сообщения недостоверных сведений о времени и месте проведения общего собрания, заседания совета директоров (наблюдательного совета), голосования от имени акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) по заведомо подложной доверенности, лица, заведомо не имеющего полномочий, совершённые в целях незаконного захвата управления в юридическом лице посредством принятия незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества, или об одобрении крупной сделки, или об одобрении сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, или об изменении состава органов управления хозяйственного общества (совета директоров, единоличного или коллегиального исполнительного органа общества), или об избрании его членов и о досрочном прекращении их полномочий, или об избрании управляющей организации либо управляющего, или об увеличении уставного капитала хозяйственного общества путём размещения дополнительных акций, или о реорганизации либо ликвидации хозяйственного общества».

Одновременно ст. 185-5 предусмотрена уголовная ответственность за принуждение акционера, либо участника общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, либо члена совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества к голосованию определённым образом или к отказу от голосования, соединённых с шантажом, а равно с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества. Таким образом, как и в предыдущем случае, законодателем было соблюдено правило

точности языка уголовного закона. Поэтому также не наблюдается расширения уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности.

Согласно Закону от 27 июля изменениям подверглась диспозиция ст. 185-3 УК. В новой её редакции законодателем достаточно подробно раскрыто понятие «Манипулирование рынком». Под указанным манипулированием понимается «умышленное распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети общего пользования (включая Интернет), заведомо ложных сведений или совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами либо иные умышленные действия, запрещённые законодательством РФ о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, если в результате таких незаконных действий цена, спрос, предложение или объём торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без учёта данных незаконных действий, и если эти действия причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо они сопряжены с извлечением излишнего дохода».

В предыдущей редакции для раскрытия данного понятия правоприменительным органам было необходимо обращаться к законодательству о ценных бумагах, о чём отмечалось в Примечании к рассматриваемой норме. Таким образом, в новой редакции диспозиции ст. 185-3 законодателем, как и в предыдущем случае, соблюдено правило точности языка уголовного закона. Поэтому, как и в предыдущем случае, расширения уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности не наблюдается.

Одновременно на основании указанного Закона гл. 22 УК РФ дополнена ст. 185-6, устанавливающей ответственность за неправомерное использование инсайдерской информации. Под указанным использованием понимается «умышленное использование инсайдерской информации для осуществления операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, к которым относится такая информация, за свой счёт или за счёт третьего лица, а равно умышленное использование инсайдерской информации путём дачи рекомендаций третьим лицам, обязывания или побуждения их иным образом к приобретению или продаже финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров, если это использование причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству». Одновременно как неправомерное использование инсайдерской информации понимается «умышленное использование инсайдерской информации путём её неправомерной передачи другому лицу, если оно причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству».

Таким образом, сущность неправомерного использования инсайдерской информации в диспозиции рассматриваемой нормы раскрыта подробно. Криминализация указанного деяния правомерна, поскольку такое использование информации представляет обществен-

ную опасность для нормального функционирования рынка ценных бумаг. Таким образом, благодаря «расширению» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности, устранён пробел в действующем уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в рассматриваемой сфере.

В редакции Закона от 7 апреля существенно увеличены «крупный» и «особо крупный» размеры как дохода, извлекаемого в результате совершения преступлений в сфере экономической деятельности, так и ущерба, причиняемого в результате совершения указанных преступлений. Таким образом, в отличие от предыдущей редакции, наблюдается экономия репрессии. Указанная экономия свидетельствует о некоторой гуманизации действующего уголовного законодательства. Целью данной гуманизации также является декриминализация ряда деяний с последующим переводом их в разряд административных правонарушений [6]. Представляется, что наряду с декриминализацией лжепредпринимательства далее будут декриминализованы и иные деяния, совершаемые в сфере экономической деятельности. Указанная декриминализация направлена на совершенствование действующего уголовного законодательства в части охраны общественных отношений в рассматриваемой сфере.

Совершенствование действующего уголовного законодательства не исключает и криминализации новых деяний. Это относится и к сфере экономической деятельности. Грядущее вступление России в ВТО и иные международные экономические организации мирового и регионального уровня потребует принятия международных обязательств, в том числе и криминализации деяний, неизвестных ранее отечественному уголовному законодательству, но запрещённых в зарубежных странах и осуждаемых международным сообществом.

Криминализация новых деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности, является и результатом принятия различных нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в рассматриваемой сфере. В связи с принятием Федерального закона Российской Федерации «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком» было криминализовано неправомерное использование инсайдерской информации и изменена диспозиция ст. 185-3 УК РФ, устанавливающей ответственность за манипулирование рынком. Указанное изменение представляет собой «частичную» криминализацию, направленную на совершенствование действующего уголовного законодательства.

В качестве «частичной» криминализации следует рассматривать и изменения, внесённые законодателем в диспозицию ч. 3 ст. 195 УК РФ. То же следует отметить и об изменениях, внесённых в диспозицию ст. 174-1.

Одновременно имела место и «частичная» декриминализация – в качестве её следует рассматривать изменения, внесённые в диспозиции ст. 171, 172 и 184 УК РФ. «Частичная» декриминализация, как и «частичная» криминализация, направлена на устранение пробелов в действующем уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Таким образом, дальнейшие тенденции развития уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере, выглядят достаточно противоречиво. В связи с тем что гл. 22 УК РФ, по сравнению с другими его главами, является одной из самых динамично развивающихся, с одной стороны, может возникнуть необходимость дополнения её новеллами, что приведёт к расширению уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности, с другой – исключения из неё отдельных норм. Поскольку нормы гл. 22 имеют бланкетные диспозиции, указанная необходимость может возникнуть и в связи с изменениями норм регулятивных отраслей права. Одновременно в рассматриваемом случае может возникнуть необходимость как «частичной» криминализации, так и «частичной» декриминализации. Данная необходимость может возникнуть и с целью устранения пробелов в диспо-

зициях норм гл. 22. Особенно, на наш взгляд, это может коснуться новелл, направленных на борьбу с рейдерскими захватами, поскольку ещё не сложилась определённая судебная практика по их практическому применению. То же следует отметить и относительно норм, направленных на борьбу с криминальными банкротствами, поскольку, несмотря на постоянно вносимые законодателем поправки в гл. 22 УК РФ (в течение 2005–2009 гг. законодателем было принято восемь Федеральных законов, изменявших и дополнявших её положения), включая и диспозиции указанных норм, у правоохранительных органов возникают проблемы с их применением на практике. Приведённые примеры не являются единичными. Несмотря на это, на наш взгляд, в связи с гуманизацией действующего уголовного законодательства должна преобладать тенденция сокращения уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российская газета*. 2010. 9 апреля.
2. *Архив Советского районного суда г. Томска*. Уголовное дело № 1-2/06.
3. *Никитенкова Н.Ю.* Незаконные захваты имущественных комплексов юридических лиц // *Закон и право*. 2008. № 3. С. 110.
4. *Богданов В. А ну-ка, отними!* // *Российская газета*. 2010. 5 июля.
5. *Лопашенко Н.А.* Рейдерство // *Законность*. 2007. № 4. С. 7–12.
6. *Ямианов Б.* Кодекс раскроили в лоскуты // *Российская газета*. 2010. 16 сентября.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 декабря 2010 г.